Дѣло по обвиненію губернскаго секретаря Михайла Михайлова въ составленіи и распространеніи возмутительной прокламаціи, подъ названіемъ: «къ молодому поколѣнію».

Въ первыхъ числахъ сентября 1861 года получено было въ С.-Петербургѣ многими лицами, по городской почтѣ, печатное воззваніе «къ молодому поколѣнію», въ которомъ заключалось: превратное истолкованіе и порицаніе дѣйствій правительства, въ выраженіяхъ, составляющихъ оскорбленіе Величества съ намѣреніемъ возбудить неуваженіе къ верховной власти и къ управленію государствомъ, съ намеками и угрозами ниспровергнуть правительство и императорскую власть; возбужденіе свойственныхъ будто бы Россіи соціальныхъ стремленій, для осуществленія которыхъ народная партія, по словамъ воззванія, не желаетъ аристократизма Европы, ея государственнаго начала и ея императорской власти и не только желаетъ революціи, но даже смѣло идетъ на встрѣчу ея; внушеніе презрѣнія и ненависти къ служебной и природной аристократіи и ко всему дворянскому сословію, или къ такъ называемой дворянской партіи, съ намеками,

Мих.

что жалѣть эту партію нечего; наставленіе, какъ надлежитъ обольщать народъ и войско; изъявленіе желанія совершеннаго измѣненія основныхъ законовъ русской имперіи, и наконецъ заключительное обращеніе къ молодому поколѣнію, съ увѣщаніемъ, что настала пора дѣйствовать, и наставленіемъ, какъ составлять кружки единомыслящихъ людей, и искать вожаковъ, способныхъ и готовыхъ на все, дабы они могли повести на всякое дѣло, а если нужно, то на славную смерть для спасенія отчизны.

Экземпляры этого воззванія находимы были въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, близь квартиръ тѣхъ лицъ, къ которымъ были адресованы. Шрифтъ и бумага этихъ листовъ, совершенно сходные съ шрифтомъ и бумагою, употребляемыми въ лондонской русской типографіи, явно указывали, что воззваніе это напечатано въ Лондонѣ.

Къ обнаруженію распространителя въ С. Петербургѣ этихъ воззваній были приняты мѣры. Среди розысканій по этому предмету арестованъ былъ въ Москвѣ, по обвиненію въ распространеніи другихъ преступныхъ сочиненій, отставной корнетъ *Всеволодъ Костомаровъ*.

Въ собственноручномъ письмѣ къ одному изъ своихъ знакомыхъ, Костомаровъ, между прочимъ, поручалъ ему, пріѣхавши въ С.-Петербургъ, узнать адресъ М. Мих. и, повидавшись съ нимъ, предварить его, чтобы онъ уничтожилъ всѣ до одного экземпляры М. П. Письмо это возбудило подозрѣніе, что Костомаровъ разумѣетъ подъ этимъ воззваніе «къ молодому поколѣнію» и что предвареніе его относилось къ литератору Михайлову, бывшему лѣтомъ 1861 года за границею.

Подозрѣніе это оправдалось потомъ показаніемъ Костомарова, что Михайловъ говорилъ съ нимъ о привезенномъ имъ изъ Лондона листкѣ «къ молодому поколѣнію», и показывалъ ему этотъ листокъ.

Въ слѣдствіе этого литераторъ Михайловъ былъ арестованъ.

По предъявленіи ему помянутаго письма и объясненій Костомарова, онъ сознался, что распространителемъ означеннаго воззванія былъ онъ.

Затѣмъ Михайловъ, въ собственноручной запискѣ изъяснилъ слѣдующее:

«Понятное чувство самосохраненія заставляло меня сначала стараться по возможности отклонить отъ себя хоть часть падавшихъ на меня обвиненій въ привозѣ изъ заграницы и распространеніи здѣсь печатнаго возванія «къ молодому поколѣнію»; но, видя тяжкое нравственное состояніе Всеволода Костомарова, перехваченное письмо котораго выдало меня, видя, какъ его мучитъ невозможность выгородить меня изъ этого несчастнаго дѣла, я считаю противнымъ совѣсти скрывать долѣе истину. Вотъ какъ было дѣло: весною нынѣшняго года я отправился за границу, съ единственною цѣлію отдохнуть хоть немного отъ постоянныхъ усиленныхъ литературныхъ занятій. Я поѣхалъ съ семействомъ Шелгуновыхъ, съ которыми жилъ въ Петербургѣ вмѣстѣ, но въ Германіи простился съ ними и посѣтилъ уже одинъ сначала Голландію, потомъ Англію. Здѣсь, въ Лондонѣ, я видѣлся довольно часто съ Герценомъ и Огаревымъ, съ которыми давно уже знакомъ. Однажды, въ разговорѣ съ ними, по поводу цензурныхъ стѣсненій, я выразилъ мысль, что смягченію ихъ содѣйствовало бы усиленіе тайной прессы въ самой Россіи. Разговоръ невольно перешелъ къ возможности печатать за границей изданія, съ обозначеніемъ на нихъ, что они печатаны въ Петербургѣ. Тогда Герценъ предложилъ мнѣ написать для опыта статью съ этою цѣлью. Такъ какъ, въ теченіе всей моей почти пятнадцатилѣтней литературной дѣятельности, это былъ первый опытъ написать что-либо политическаго содержанія, то опытъ вышелъ крайне неудаченъ, и изъ нѣсколькихъ страницъ, набросанныхъ мною, не осталось и половины въ воз-

званія «къ молодому поколѣнію», такъ, что я не могъ бы по совѣсти никакъ выставить подъ нимъ своего имени, если бы оно, по содержанію своему, могло быть напечатано въ Россіи явно. Листокъ «къ молодому поколѣнію» тогда же былъ напечатанъ, сколько мнѣ извѣстно, въ очень незначительномъ количествѣ экземпляровъ, но въ какомъ именно, не знаю. Знаю лишь то, что я не могъ и этого количества взять съ собою вполнѣ, какъ потому, что мнѣ нельзя бы было провезти его на себѣ, не возбуждая подозрѣнія въ таможнѣ, такъ еще болѣе потому, что мнѣ не было бы возможности распространить его безъ чьей либо помощи; а я твердо рѣшился не втягивать никого въ это опасное дѣло. Такимъ образомъ я взялъ съ собою двѣсти пятьдесятъ экземпляровъ. Срочныя работы по изданію «Энциклопедическаго словаря», въ коемъ я участвую, какъ одинъ изъ редакторовъ, заставили меня вернуться въ Россію ранѣе, чѣмъ я думалъ, и изъ Лондона я, почти не останавливаясь, проѣхалъ, чрезъ Парижъ и Штетинъ, въ Петербургъ. Тотчасъ же по пріѣздѣ сюда, занялся я приготовленіемъ къ распространенію листка «къ молодому поколѣнію», не говоря о томъ никому ни слова. Лучшимъ средствомъ казалось мнѣ сначала отправить все по городской почтѣ; но, такъ какъ я боялся обратить вниманіе необычнымъ количествомъ писемъ, и не могъ бы разнести всего самъ, не возбуждая подозрѣнія, то этою мѣрою я рѣшился воспользоваться только въ самой незначительной степени. Будучи совершенно одинъ въ домѣ, я могъ очень удобно приготовить все къ сентябрю, какъ было мною рѣшено. Небольшую долю экземпляровъ, сколько помню, никакъ не болѣе тридцати пяти - шести, я разложилъ по одному въ пакеты и сдѣлалъ адресы наудачу, по адресъ - календарю, измѣняя по возможности свой почеркъ и разнообразя его. Затѣмъ около двухъ сотъ экземпляровъ разложилъ въ двадцать пакетовъ большаго размѣра, по три, по пяти, по десяти и по пятнадцати на пакетъ (ихъ лишь впослѣдствіи надписалъ я

карандашемъ), съ тѣмъ, чтобы разнести ихъ по редакціямъ разныхъ журналовъ, и по нѣкоторымъ болѣе или менѣе извѣстнымъ мнѣ лицамъ, коихъ квартиры я зналъ. Мнѣ хотѣлось сначала послать часть въ Москву, но я не зналъ, какъ это сдѣлать, не отправляя по почтѣ. Случайный пріѣздъ въ Петербургъ Костомарова далъ мнѣ мысль, что онъ могъ бы отвезти туда какую нибудь долю экземпляровъ. Я, вполнѣ полагаясь на его скромность, рѣшился предложить ему это. Онъ однако не согласился и ни одного экземпляра отъ меня не взялъ. 1-го Сентября былъ у меня произведенъ полицейскій обыскъ, во время котораго свертокъ съ воззваніемъ лежалъ въ печи въ моемъ кабинетѣ подъ золой и ненужными рваными бумагами. Такъ какъ воззваніе напечатано на весьма тонкой бумагѣ и было хорошо спрессовано, то спрятать его было не трудно. Къ печкѣ было придвинуто кресло. Послѣ обыска, я думалъ было сжечь все, и вѣроятно сдѣлалъ бы это, еслибъ зналъ, что арестованъ Костомаровъ, единственный человѣкъ, слышавшій отъ меня, что у меня есть экземпляры листка «къ молодому поколѣнію». На другой же день вечеромъ я отправилъ по городской почтѣ пакеты, ходя бо́льшею частію пѣшкомъ и отдавая по два и по три въ мелочныхъ лавочкахъ, гдѣ принимается городская корреспонденція. Это взяло у меня не особенно много времени. Также не много понадобилось мнѣ времени и въ два слѣдующіе вечера для развозки большихъ пакетовъ по разнымъ редакціямъ и другимъ лицамъ. Такъ какъ адресы были у меня для разныхъ частей города, то я соображался съ мѣстностію, чтобы не разъѣзжать много. Гдѣ было можно, проходилъ пѣшкомъ, но вообще ѣздилъ на извощикахъ, всякій разъ ихъ мѣняя. Я громко звонилъ у дверей, клалъ пакетъ рядомъ на полъ (или опускалъ въ ящики для писемъ, гдѣ такіе были) и быстро сходилъ съ лѣстницы. Такъ какъ у меня, за раскладкою въ пакеты, оставалось экземпляровъ двадцать или нѣсколько болѣе, то я, имѣя ихъ при себѣ въ карманѣ, разбросалъ ихъ по два и по три на

лѣстницахъ, уже не звоня. Я бралъ съ собою по десяти пакетовъ въ вечеръ. Чтобы отвлечь подозрѣніе дома, я точно также подкинулъ пакетъ съ нѣсколькими экземплярами у своей квартиры, общей съ квартирою г. Шелгунова. Въ провинціи не посылалъ я ни одного экземпляра, но, по окончаніи распространенія, отправилъ послѣдніе четыре экземпляра въ штемпельныхъ кувертахъ по городской почтѣ къ нѣкоторымъ изъ высшихъ правительственныхъ лицъ. Такимъ образомъ, все было кончено мною въ первые четыре дня сентября: такъ именно совѣтовалъ мнѣ сдѣлать Герценъ, и такъ я обѣщалъ ему. 14 сентября былъ у меня произведенъ новый обыскъ и меня арестовали. Вотъ полное и чистосердечное признаніе мое во всемъ, касающемся привоза и распространенія листковъ «къ молодому поколѣнію», Что сдѣлано въ Лондонѣ съ остальными экземплярами, которыхъ я не могъ съ собою взять: уничтожены ли они тамъ, или послѣ меня даны еще кому нибудь для распространенія, я не знаю. Мнѣ остается теперь объяснить побужденія, которыя заставили меня такъ дѣйствовать. При распространеніи листовъ «къ молодому поколѣнію», меня руководила, какъ я уже упоминалъ выше, мысль, что усиленіе тайнаго книгопечатанія въ Россіи должно бы имѣть вліяніе на ослабленіе цензуры. Такимъ путемъ, думалъ я, можетъ начаться свобода слова, а эта свобода составляетъ теперь всеобщее желаніе. Та горечь, то ожесточеніе, которыя невольно проявляются въ вещахъ, печатаемыхъ тайно, которыя проявились и въ листкѣ «къ молодому поколѣнію» (хотя, повторяю, въ большей части независимо отъ меня), становятся уже невозможны, когда допущено свободное гласное обсужденіе всѣхъ вопросовъ; но пока его нѣтъ, они нужны, какъ болѣе сильное средство. Въ этомъ убѣжденіи я думалъ, что распространеніе листа «къ молодому поколѣнію», даже и въ такомъ маломъ количествѣ экземпляровъ, приблизитъ хотя немного возможность говорить въ печати съ бо́льшей свободой, чего, какъ писатель, я не могу не желать

пламенно. Покойный отецъ мой происходилъ изъ крѣпостнаго состоянія, и семейное преданіе глубоко запечатлѣло въ моей памяти кровавыя событія, мѣстомъ которыхъ была его родина. По безпримѣрной несправедливости, село, гдѣ онъ родился, было, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, подвержено всѣмъ ужасамъ военнаго усмиренія. Разсказы о нихъ пугали меня еще въ дѣтствѣ. Гроза прошла не даромъ и надъ моими родными. Дѣдъ мой былъ тоже жертвою несправедливости; онъ умеръ, не вынеся позора отъ назначеннаго ему незаслуженнаго тѣлеснаго наказанія. Такія воспоминанія не истребляются изъ сердца. Я высказалъ все. Глубоко чувствуя всю свою виновность, вполнѣ сознавая преступность моего образа дѣйствій передъ лицомъ закона, я не могу ни надѣяться, ни ждать отъ него пощады, или даже смягченія заслуженнаго мною наказанія. Но милосердію государя не поставлено предѣловъ; взывать къ Нему не воспрещается и закоснѣлымъ преступникамъ. Ему ввѣряю я свою участь, съ твердымъ упованіемъ, что какое бы тяжкое наказаніе ни постигло меня, незлобивое и кроткое сердце государя не допуститъ, чтобы тѣнь моихъ поступковъ отразилась на счастьи и спокойствіи непричастнаго къ нимъ семейства, съ которымъ я жилъ подъ одной кровлей.»

По разсмотрѣніи обстоятельствъ этого дѣла, государь императоръ, Высочайше повелѣть изволилъ: обвиняемаго и сознавшагося въ государственномъ преступленіи отставнаго губернскаго секретаря Михайлова, на основаніи 3 пункта 592 ст. XV т. св. зак. кн. 2-й, предать сужденію правительствующаго сената по I отдѣленію 5-го департамента.

18-го октября Михайловъ представленъ былъ въ присутствіе сената, гдѣ первоначально прочитано было ему Высочайшее повелѣніе о преданіи его суду, сдѣлано духовное увѣщаніе чрезъ священника, объявлено, кто будутъ судьи его и лица, находящіяся при судѣ, и предложенъ вопросъ, не имѣетъ ли онъ на кого изъ этихъ лицъ подозрѣнія.

Подсудимый отвѣтилъ, что подозрѣнія на поименованныхъ лицъ онъ не имѣетъ, въ чемъ и далъ подписку.

Засимъ прочтены были ему записка его, писанная имъ самимъ, и допросные пункты. Въ нихъ предлагались слѣдующіе главнѣйшіе вопросы: признаетъ ли онъ записку за собственноручно имъ писанную и подписанную? Что именно принадлежитъ ему въ возваніи «къ молодому поколѣнію» и что участникамъ его Герцену и Огареву? Почему именно думалъ онъ, что усиленіе тайнаго книгопечатанія въ Россіи будетъ имѣть вліяніе на ослабленіе цензуры, тогда какъ по естественному порядку оно должно вызвать усиленіе цензуры и мѣръ правительства? Отъ чего высказанная имъ цѣль несогласна съ содержаніемъ самаго воззванія, которое, очевидно, направлено было къ возбужденію неуваженія къ управленію государствомъ, къ возбужденію явнаго неуваженія къ верховной власти, къ оспариванію неприкосновенности правъ ея, къ порицанію установленнаго государственными законами образа правленія, а также къ возбужденію неуваженія и противудѣйствія властямъ, отъ правительства установленнымъ, съ разрушеніемъ всякаго порядка, и внушенію взаимно враждебныхъ чувствъ между сословіями, съ угрозою прибѣгнуть къ кровопролитію? Когда познакомился онъ съ Герценомъ и Огаревымъ, поддерживалъ ли съ ними связь по выбытіи ихъ изъ Россіи, и какимъ образомъ? Не было ли другихъ участниковъ въ его преступленіи и не дѣлалъ ли онъ самъ какихъ либо другихъ преступленій?

На эти допросные пункты подсудимый письменно отвѣчалъ, что предъявленная ему записка собственноручно имъ писана и подписана. Затѣмъ, отчеркнувъ чернилами въ воззваніи «къ молодому поколѣнію» на оборотѣ листа отъ словъ: «а эти къ несчастію» до словъ «если для осуществленія», онъ объявилъ, что отчеркнутое признаетъ за писанное имъ. Остальнаго не признаетъ, такъ какъ оно несогласно съ рукописью, которая была дана имъ для напечатанія, и онъ получилъ воззваніе уже напечатаннымъ. Ему

казалось, именно на основаніи историческихъ примѣровъ, что попытки тайной печати, выказывая недовольство, заставляютъ для смягченія его постепенно уменьшать строгость цензуры и тѣмъ позволять высказываться болѣе спокойно и умѣренно. При распространеніи воззванія «къ молодому поколѣнію», цѣли, кромѣ вышеупомянутой—о вліяніи на ослабленіе цензуры,—у него не было. Съ этимъ именно и означено было въ заглавіи: «печатано безъ цензуры» Что касается до выраженій, особенно возмутительныхъ, ему въ воззваніи не принадлежащихъ, онъ думалъ, что рѣзкость ихъ будетъ именно служить поводомъ къ принятію законныхъ мѣръ для уменьшенія строгости цензуры. Съ Герценомъ и Огаревымъ познакомился онъ въ 1856 г. или 1857 г.; связей съ ними никакихъ не имѣлъ, кромѣ посѣщенія ихъ во время двухъ поѣздокъ за границу. Въ преступленіи его другихъ участниковъ не было и другихъ преступленій онъ никакихъ не дѣлалъ.

23 Октября сдѣлано было въ присутствіи сената повтореніе допроса Михайлову. При этомъ предложены были ему слѣдующіе письменные вопросы: кто именно поправлялъ написанный имъ проэктъ воззванія, т. е. кому вручилъ онъ проэктъ и отъ кого получилъ напечатанные листы, а равно почему распространеніе воззванія предположено было сдѣлать непремѣнно въ первыхъ числахъ сентября? На какихъ именно таможняхъ подвергался онъ досмотру, гдѣ онъ скрывалъ какъ во время путешествія, такъ и по прибытіи въ Россію, тюкъ съ 250 экземплярами воззванія? Для чего онъ старался распространить воззваніе между жителями всѣхъ частей Петербурга и въ Москвѣ и этимъ произвести на народъ возмутительное дѣйствіе, тогда какъ для достиженія цѣли его—понудить правительство къ смягченію строгости цензуры,—было бы казалось достаточно, чтобы нѣсколько экземпляровъ воззванія дошло до правительства? Къ кому именно изъ правительственныхъ лицъ отправлены имъ экземпляры воззванія? Гдѣ онъ воспитывался, когда окончилъ воспитаніе, когда поступилъ на службу и куда именно? Кромѣ того, правительствующій се-

натъ, усмотрѣвъ изъ доставленныхъ свѣдѣній, что Михайловъ прикосновенъ и къ другому дѣлу о распространеніи запрещенныхъ сочиненій, по которому производится слѣдствіе, дѣлалъ Михайлову вопросъ, въ чемъ состоитъ прикосновенность его къ этому дѣлу, сознаетъ ли онъ себя виновнымъ и въ распространеніи другихъ запрещенныхъ сочиненій, кромѣ воззванія «къ молодому поколѣнію,» и какихъ именно, а также кто были его участниками въ этомъ преступленіи?

На всѣ эти вопросы Михайловъ письменно же отвѣчалъ: въ запискѣ своей онъ употребилъ неточное выраженіе «обѣщалъ»; дѣло было просто въ разговорѣ, а не въ договорѣ,— какъ, повидимому, истолковываются его слова. Не въ первые четыре дня сентября расчитывалъ онъ распространить листъ «къ молодому поколѣнію», а вообще въ началѣ сентября, такъ какъ только къ этому времени думалъ прибыть въ С.-петербургъ. Кто именно исправлялъ написанный имъ проэктъ сочиненія «къ молодому поколѣнію», онъ не знаетъ, ибо поправокъ и дополненій въ рукописи не видалъ, свою же рукопись онъ отдалъ Герцену, а напечатанные листы получилъ изъ типографіи отъ одного изъ находящихся при ней лицъ, фамиліи котораго не знаетъ. По возвращеніи изъ за границы, онъ былъ осмотрѣнъ въ с.-петербургской таможнѣ. За границей онъ везъ свертокъ съ листомъ «къ молодому поколѣнію» просто въ чемоданѣ, а, отправляясь изъ Штетина моремъ, надѣлъ на себя поясъ, въ которомъ были зашиты экземпляры, незначительная же часть ихъ была у него разложена по карманамъ. Замѣтить на немъ ничего было нельзя, потому что одѣтъ онъ былъ съ ловкостью; при томъ же осматривали только его чемоданы, а его не осматривали. Возвратился онъ въ Петербургъ въ среднихъ числахъ іюля мѣсяца. Единственною цѣлью его,—распространить сочиненіе «къ молодому поколѣнію» была именно та, которая указана имъ въ первоначальномъ показаніи. Отправить лишь нѣсколько экземпляровъ къ правительственнымъ лицамъ казалось ему для этой цѣли недостаточнымъ; онъ думалъ, что, при большомъ распростране-

вія листа «къ молодому поколѣнію», правительство скорѣе обратитъ вниманіе на преобразованіе цензуры. Незначительное количество экземпляровъ, сравнительно съ числомъ жителей С.-петербурга, казалось ему достаточнымъ обезпеченіемъ, что оно (т. е. сочиненіе къ молодому поколѣнію) не будетъ имѣть того дурнаго вліянія, котораго можно бы отъ него ожидать. Цѣли, кромѣ указанной имъ, повторяетъ, у него не было. Что листъ «къ молодому поколѣнію» можетъ произвести дурное дѣйствіе на народъ, онъ это упустилъ изъ виду, думая только о своей исключительной цѣли—смягченіи цензуры; да притомъ количество экземпляровъ, какъ онъ уже упомянулъ, было слишкомъ для того ничтожно. Преступности содержанія онъ не имѣлъ, повторяетъ, въ виду. Четыре экземпляра были посланы имъ къ слѣдующимъ правительственнымъ лицамъ: начальнику III отдѣленія собственной его императорскаго величества канцеляріи графу Шувалову и министрамъ Муравьеву, Валуеву и Путятину, послѣднему съ надписью на верху листа «плоды цензуры». Прикосновенность его къ дѣлу о распространеніи запрещенныхъ сочиненій заключается въ томъ, что при арестѣ въ Москвѣ Всеволода Костомарова, найдены у него два рукописныя сочиненія «къ крестьянамъ» и «къ солдатамъ». Какъ то, такъ и другое, были у него, Михайлова, въ рукахъ, и оба получены Костомаровымъ отъ него, одно (послѣднее) лично, а другое чрезъ студента Сороко. Въ сочиненіи ихъ онъ не принималъ участія и получилъ ихъ, не помнитъ отъ кого, какъ ходившія будто бы въ рукописи по рукамъ. Одна изъ этихъ статей, писанная неразборчиво и съ пропусками, повидимому, была имъ переписана измѣненнымъ почеркомъ и при перепискѣ онъ только съ чисто литературной точки зрѣнія прибавилъ нѣсколько строкъ, самаго содержанія которыхъ теперь не помнитъ. Даны имъ были помянутыя сочиненія Костомарову лишь для его личнаго прочтенія и затѣмъ уничтоженія. Другихъ запрещенныхъ сочиненій, кромѣ листа «къ молодому поколѣнію», онъ не распространялъ. Когда имен-

но даны имъ Костомарову и Сороко помянутыя рукописи, онъ въ точности не помнитъ, но около весны 1861 года или въ концѣ зимы. Воспитывался онъ дома и потомъ слушалъ приватно лекціи въ с.-петербургскомъ университетѣ очень непродолжительное время. На службу поступилъ приблизительно въ 1848 г. въ нижегородское соляное правленіе, гдѣ прослужилъ четыре года и затѣмъ вышелъ въ отставку.

Засимъ подсудимый Михайловъ 23 октября далъ подписку въ томъ, что во время производства допросовъ и суда пристрастія ему дѣлаемо не было.

По предмету прикосновенности Михайлова къ другому дѣлу о распространеніи запрещенныхъ сочиненій, по которому производилось еще слѣдствіе особою коммисіею, состоялось Высочайшее повелѣніе, чтобы дѣло Михайлова, производящееся въ сенатѣ, не было соединяемо съ первымъ дѣломъ и рѣшено было отдѣльно.

Изъ аттестата, выданнаго подсудимому нижегородскимъ солянымъ правленіемъ, видно, что онъ происходитъ изъ дворянъ, 23 лѣтъ, православнаго исповѣданія, холостъ, въ службу вступилъ, послѣ домашняго воспитанія, въ нижегородское соляное правленіе писцомъ 1 разряда въ 1848 г, произведенъ въ коллежскіе регистраторы въ 1850 году, исправлялъ временно должность столоначальника; имѣнія у него никакого нѣтъ, къ продолженію службы аттестовался способнымъ, въ штрафахъ и подъ судомъ не былъ, уволенъ отъ службы въ 1852 году съ награжденіемъ чиномъ губернскаго секретаря.

31 Октября 1861 года подсудимому были предложены правительствующимъ сенатомъ еще слѣдующіе письменные вопросы: когда и по какому случаю отецъ его, бывшій, по его показанію, крѣпостнымъ человѣкомъ, получилъ дворянское достоинство? Когда именно прибылъ онъ, Михайловъ, въ Лондонъ, долго ли тамъ пробылъ, когда приступилъ къ совѣщанію съ Герценомъ на счетъ сочиненія воззванія «къ молодому поколѣнію», когда написалъ черновый проэктъ воззванія,

когда получилъ напечатанные листы и когда выбылъ изъ Лондона? Не было ли, при обыскѣ, произведенномъ въ его квартирѣ 14 сентября 1861 года, найдено у него экземпляровъ воззванія «къ молодому поколѣнію», или какихъ либо другихъ подобныхъ сему сочиненій? Изъ кого состоитъ семейство Шелгунова, у котораго онъ проживалъ, не состоитъ ли оно съ нимъ въ родственныхъ отношеніяхъ и не получаетъ ли отъ него содержанія?

На эти вопросы Михайловъ письменно отвѣчалъ, что покойный отецъ его, поступивъ на службу по отпускѣ его на волю, умеръ въ чинѣ надворнаго совѣтника, а дворянское достоинство получилъ вмѣстѣ съ чиномъ коллежскаго ассесора, когда именно, не помнитъ, но кажется въ 40 годахъ нынѣшняго столѣтія. Въ Лондонъ онъ, Михайловъ, прибылъ въ іюнѣ мѣсяцѣ и пробылъ тамъ двѣ недѣли съ небольшимъ. Съ Герценомъ говорилъ вскорѣ по пріѣздѣ, но разговора этаго, такъ какъ онъ не имѣлъ главною цѣлію печатаніе сочиненія «къ молодому поколѣнію», совѣщаніемъ онъ назвать не можетъ. Черновый проэктъ написанъ имъ тоже вскорѣ по пріѣздѣ въ Лондонъ, а отпечатанные листы онъ получилъ наканунѣ отъѣзда. При обыскахъ у него ни одного экземпляра листа «къ молодому поколѣнію» не найдено; въ послѣдній обыскъ ихъ у него уже не было. Въ первый обыскъ взяты у него портретъ Герцена, брошюрка, изданная въ Лондонѣ «Народный сходъ» (давно изданная) и стихотворенія Пушкина, напечатанныя за границей въ дополненіе къ здѣшнему изданію. Во второй обыскъ у него отобранъ альбомъ, въ которомъ нѣсколько строкъ написано ему на память Герценомъ и Огаревымъ. Семейство Шелгуновыхъ состоитъ съ нимъ только въ отношеніяхъ хозяина квартиры къ постояльцу, хотя онъ пользовался отъ него очень дорогимъ для него вниманіемъ. Это семейство состоитъ изъ подполковника корпуса лѣсничихъ Шелгунова и жены его; у нихъ есть малолѣтній сынъ. Содержанія и пропитанія оно отъ него не по-

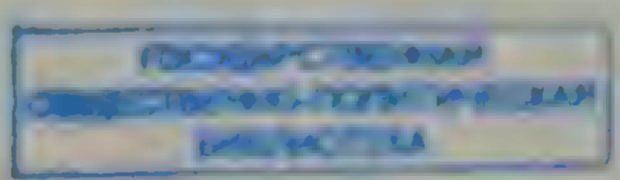
лучало; онъ только платилъ за квартиру, которую у нихъ нанималъ. При семъ Михайловъ изъяснилъ, что проситъ сенатъ, при сужденіи объ немъ, обратить вниманіе на крайне слабое и болѣзненное его состояніе.

По разсмотрѣніи настоящаго дѣла, правительствующій сенатъ, опредѣленіемъ 30 и 31 октября, заключилъ: отставной губернскій секретарь, изъ дворянъ, Михаилъ Иларіоновъ Михайловъ, преданъ суду сената по Высочайшему повелѣнію, за распространеніе въ С.-петербургѣ преступнаго сочиненія, подъ названіемъ «къ молодому поколѣнію». Въ распространеніи этого сочиненія губернскій секретарь Михайловъ сознался еще до преданія его суду, не желая, какъ онъ объяснилъ, затруднять то лицо, по письму котораго пало подозрѣніе на него, Михайлова, и считая противнымъ совѣсти скрывать долѣе истину. На допросахъ подсудимый Михайловъ показалъ, что воззваніе къ молодому поколѣнію было первоначально сочинено имъ по совѣту изгнанника Герцена, которому былъ врученъ и черновой проектъ воззванія, но затѣмъ въ напечатанныхъ въ Лондонѣ листкахъ остались только тѣ мысли его, Михайлова, которыя относятся къ соціальнымъ стремленіямъ Россіи, а все прочее было измѣнено, кѣмъ именно, ему неизвѣстно. При этомъ Михайловъ объяснилъ, что при распространеніи воззванія «къ молодому поколѣнію,» онъ дѣйствовалъ, какъ литераторъ, единственно въ видахъ побужденія правительства къ смягченію строгости цензуры, руководствуясь историческими примѣрами, показывающими, что тайная печать вездѣ была устраняема посредствомъ дарованія большей свободы печати гласной, съ каковою цѣлію имъ и отправлено было нѣсколько экземпляровъ воззванія къ высшимъ правительственнымъ лицамъ, но онъ вовсе не представлялъ себѣ вредныхъ послѣдствій своего поступка тѣмъ болѣе, что число экземпляровъ, имъ распространенныхъ, весьма незначительно въ сравненіи съ народона-

селеніемъ С.-петербурга. Въ заключеніе своихъ отвѣтовъ Михайловъ проситъ, при сужденіи о немъ, обратить вниманіе на крайне слабое и болѣзненное его состояніе. Разсматривая настоящее дѣло въ такомъ видѣ, правительствующій сенатъ признаетъ необходимымъ, для опредѣленія по законамъ какъ рода и степени преступленія подсудимаго Михайлова, такъ и значенія сдѣланныхъ имъ показаній, обратиться къ постановленіямъ нашего законодательства о государственныхъ преступленіяхъ. Вникая въ смыслъ этихъ постановленій, правительствующій сенатъ находитъ, что въ посягательствѣ на права верховной власти есть два вида преступленій, имѣющіе много общаго, но остающіеся тѣмъ не менѣе различными по цѣли злаго умысла. Эти два вида государственныхъ преступленій суть слѣдующіе: 1, злоумышленіе противъ жизни, здравія или чести государя императора и всякій умыселъ свергнуть Его съ престола, лишить свободы и власти верховной, или же ограничить права оной, или учинить Священной Особѣ Его какое либо насиліе (св. зак. 1857 г. т. XV улож. о нак. ст. 273); 2, злоумышленія на бунтъ противъ власти верховной, т. е. на возстаніе скопомъ и заговоромъ противъ государя и государства, а равно на ниспроверженіе правительства, перемѣну образа правленія или установленнаго законами порядка наслѣдія престола (ул. о нак. ст. 283). Хотя эти два вида государственныхъ преступленій сходятся между собою тамъ, гдѣ злоумышленіе направлено въ одномъ изъ нихъ къ лишенію государя верховной власти или къ ограниченію правъ ея, а въ другомъ къ ниспроверженію правительства или къ перемѣнѣ образа правленія, но и въ этихъ точкахъ соприкосновенія посягательство на право верховной власти въ обоихъ видахъ различно, и различіе это явствуетъ изъ самаго названія главъ, изъ коихъ состоитъ раздѣлъ о преступленіяхъ государственныхъ: въ главѣ первой, о преступленіяхъ противъ Священной Особы государя императора и Членовъ императорскаго дома, злоумышленіе направлено прямо и непосредственно противъ верховныхъ правъ государя

императора съ посягательствомъ, или безъ посягательства на личную безопасность или свободу Его Священной Особы; а въ главѣ второй, отдѣленія первомъ, о бунтѣ противъ власти верховной, злоумышленіе направлено преимущественно къ ниспроверженію государственнаго устройства и правительства вообще. Такъ какъ въ государствѣ самодержавномъ императоръ естъ полный представитель государства и въ лицѣ Его сосредоточивается всецѣло верховная власть, то всякое прямое посягательство на личную безопасность, свободу или право Его Священной Особы, есть высшее изъ государственныхъ преступленій, подвергающее виновнаго лишенію всѣхъ правъ состоянія и смертной казни, независимо отъ степени развитія злаго умысла, хотя бы о преступномъ предположеніи этого рода было сдѣлано только словесное или письменное изъявленіе мыслей (улож. о нак. ст. 276). Но въ посягательствѣ на бунтъ противъ верховной власти, съ цѣлію ниспровергнуть государственное устройство и правительство, вообще законъ принимаетъ въ соображеніе и степень развитія злаго умысла, и, опредѣляя лишеніе всѣхъ правъ состоянія и смертную казнь за преступленіе этаго рода, уже приведенное въ исполненіе, или за непосредственное покушеніе къ совершенію его, смягчаетъ наказаніе въ тѣхъ случаяхъ, когда приготовленія къ преступленію были заблаговременно остановлены правительствомъ и въ слѣдствіе того ни покушеній, ни смятеній и никакихъ иныхъ вредныхъ послѣдствій не произошло. Въ сихъ случаяхъ виновные наказываются лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія и ссылкою въ каторжную работу или въ рудникахъ на время отъ 12 до 15 лѣтъ, или въ крѣпостяхъ на время отъ 10 до 12 лѣтъ, смотря по бо́льшей или меньшей важности преступнаго ихъ умысла, большему или меньшему въ ономъ участію, и по другимъ увеличивающимъ или уменьшающимъ вину ихъ обстоятельствамъ (ул. о наказ. ст. 283 и 284). Равномѣрно и въ низшихъ степеняхъ виновности въ томъ и другомъ изъ означенныхъ двухъ видовъ государственныхъ преступленій зло-

умышленіе противъ государя подвергаетъ болѣе строгому наказанію, чѣмъ соотвѣтствующее злоумышленіе противъ установленнаго въ государствѣ порядка. Такимъ образомъ, изобличенные въ составленіи и распространеніи письменныхъ или печатныхъ сочиненій или изображеній, съ цѣлію возбудить неуваженіе къ верховной власти, или же къ личнымъ качествамъ государя, или къ управленію Его государствомъ, приговариваются, какъ оскорбители Величества, къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ ссылкѣ въ каторжную работу въ крѣпостяхъ на время отъ 10 до 12 лѣтъ (ул. нак. ст. 279) Между тѣмъ соотвѣтствующая степень во второмъ видѣ государственныхъ преступленій, а именно составленіе и распространеніе письменныхъ или печатныхъ объявленій, воззваній или же сочиненій или изображеній, съ цѣлію возбудить къ бунту или явному неповиновенію власти верховной, подвергаетъ менѣе строгому наказанію: лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжныя работы въ крѣпостяхъ на время отъ 8 до 10 лѣтъ (ул. о нак. ст. 285). Руководствуясь этими узаконеніями, правительствующій сенатъ не можетъ не принять во вниманіе, что хотя въ преступномъ воззваніи «къ молодому поколѣнію» превратное толкованіе и порицаніе дѣйствій правительства и дерзкія оскорбленія Величества клонились къ тому, чтобы возбудить неуваженіе къ верховной власти и къ управленію государствомъ и хотя въ воззваніи этомъ есть намеки или угрозы—низложить правительство, но при этомъ не обнаруживается положительнаго умысла на счетъ личной безопасности и свободы государя императора, ни какой-либо установившейся мысли, прямо и непосредственно направленной къ лишенію Его Величества верховной власти или ограниченію оной, а виды преимущественно революціонныя стремленія достигнуть какимъ бы то ни было путемъ, не исключая и кровопролитнаго пути бунта, преобразованій въ государственномъ устрой-

ствѣ. Поэтому дѣйствія распространителя преступнаго воззванія ближе подходятъ подъ законъ о бунтѣ противъ верховной власти, объемлющій и умыселъ ниспровергнуть правительство или перемѣнить образъ правленія; при чемъ однако должно быть принято въ соображеніе и усугубляющее вину преступника употребленіе въ воззваніи сужденій и выраженій, оскорбляющихъ Величество. Въ такомъ мнѣніи правительствующій сенатъ убѣждается еще и тѣмъ соображеніемъ, что какъ по общему правилу уголовнаго судопроизводства, гласящему: чѣмъ болѣе тяжко обвиненіе, тѣмъ сильнѣе должны быть и доказательства (зак. уг. суд. ст. 310), такъ и по исключительному положенію настоящаго дѣла, въ которомъ многія обстоятельства не приведены въ ясность за невозможностію изслѣдованія на мѣстѣ, гдѣ преступленіе было умышлено между Михайловымъ и его сообщниками и гдѣ преступное воззваніе было сочинено и напечатано, неосторожно было бы признать Михайлова виновнымъ въ тягчайшемъ изъ государственныхъ преступленій, подвергающемъ во всякомъ случаѣ смертной казни,—въ прямомъ посягательствѣ на Священную Особу государя императора, безъ сознанія подсудимаго въ умыслѣ на такое злодѣяніе, по одному распространенному имъ воззванію, въ которомъ онъ не признаетъ своимъ сочиненіемъ намековъ и угрозъ, относящихся къ лицу государя императора. Но затѣмъ виновность Михайлова въ злоумышленіи на бунтъ противъ верховной власти не подлежитъ сомнѣнію, и злоумышленіе это представляется преступленіемъ первостепенной важности. Дѣйствительно, распространеніе воззванія къ молодому поколѣнію не было внезапнымъ революціоннымъ стремленіемъ. По показанію Михайлова, воззваніе это сочинено въ бытность его въ іюнѣ 1861 года въ Лондонѣ, откуда онъ возвратился въ С.-петербургъ въ половинѣ іюля мѣсяца, а къ распространенію воззванія, напечатаннаго въ Лондонѣ и провезеннаго имъ скрытно чрезъ таможню, приступилъ онъ въ началѣ сентября; изъ собственнаго же его показанія видно, что еще въ началѣ весны 1861 го-

да въ рукахъ его, Михайлова, были проэкты воззванія къ крестьянамъ и солдатамъ, переданные имъ отставному корнету Костомарову. Обстоятельства эти представляютъ распространеніе воззванія къ молодому поколѣнію преступленіемъ заранѣе обдуманнымъ, а самое содержаніе этого преступнаго сочиненія показываетъ, что оно было не какимъ либо случайнымъ подстрекательствомъ къ неповиновенію верховной власти, но слѣдствіемъ злоумышленія, направленнаго къ потрясенію коренныхъ или основныхъ учрежденій государства, для чего средствами должны были служить съ одной стороны обольщеніе народа и солдатъ, а съ другой возбужденіе неуваженія къ верховной власти, ко всѣмъ правительственнымъ властямъ и къ высшему сословію въ государствѣ— дворянству. Поэтому очевидно, что злоумышленіе въ такихъ ужасающихъ размѣрахъ можетъ обнять только тотъ законъ, который заключаетъ въ себѣ опредѣленіе бунта первостепенной важности (улож. наказ. ст. 283). Но такъ какъ распространеніе воззванія къ молодому поколѣнію не сопровождалось какимъ либо другимъ болѣе непосредственнымъ покушеніемъ на бунтъ и не произвело ни народныхъ смятеній, ни иныхъ безпорядковъ, то настоящій случай долженъ быть отнесенъ къ числу тѣхъ посягательствъ на бунтъ, въ коихъ злоумышленіе, заблаговременно открытое правительствомъ, не имѣло вредныхъ послѣдствій (улож. наказ. ст. 284). Обращаясь засимъ къ обсужденію объясненій Михайлова, правительствующій сенатъ находитъ, что, за собственнымъ сознаніемъ подсудимаго въ принятіи участія въ составленіи воззванія къ молодому поколѣнію и въ распространеніи одвимъ его лицомъ сего преступнаго сочиненія въ напечатанныхъ листахъ, выказываемое имъ обстоятельство, что черновой проэктъ воззванія, врученный имъ изгнаннику Герцену, былъ кѣмъ-то измѣненъ, съ оставленіемъ только тѣхъ его, Михайлова, мыслей, которыя относятся къ соціальнымъ стремленіямъ Россіи, не можетъ имѣть никакого вліянія на опредѣленіе виновности его, Михайлова, въ томъ, въ чемъ направленіе и цѣль

воззванія очевидны. Если бы даже его воззваніе было составлено другимъ лицомъ, то и въ такомъ случаѣ Михайловъ, какъ принявшій на себя распространеніе сего преступнаго сочиненія, въ чемъ и заключалось главное зло, представлялся бы главнымъ виновнымъ. Нельзя также принять въ уваженіе показанія Михайлова, что при распространеніи воззванія къ молодому поколѣнію, онъ имѣлъ единственною цѣлью побудить правительство къ смягченію строгости цензуры, для устраненія тайной печати посредствомъ дарованія бо́льшей свободы печати гласной, и не представлялъ будто бы себѣ, какое вліяніе можетъ имѣть преступное воззваніе на умы читателей. Дѣйствія Михайлова въ этомъ отношеніи говорятъ сами за себя. Очень можетъ быть, что самыя дерзкія сужденія, намѣренія и желанія не принадлежатъ лично Михайлову, признающему своимъ сочиненіемъ только одну часть воззванія, относящуюся къ соціальнымъ стремленіямъ Россіи, но ни въ какомъ случаѣ нельзя допустить, чтобы онъ, пользуясь здравымъ разсудкомъ и свободною волею, могъ употреблять возмутительныя средства безъ цѣли произвести возмущеніе, почему одно распространеніе имъ возмутительнаго сочиненія обнаруживаетъ въ дѣйствіяхъ его революціонную цѣль, которая выражается и въ сочиненной имъ части воззванія, гдѣ также призывается революція, какъ желанное событіе. Притомъ, по закону, если по обстоятельствамъ, сопровождавшимъ дѣяніе подсудимаго, онъ могъ и долженъ былъ предвидѣть, что послѣдствіемъ онаго должны быть не одно, а нѣсколько преступленій разной важности, то хотя бы онъ и не имѣлъ положительнаго намѣренія совершить именно важнѣйшее изъ сихъ преступленій, мѣра его наказанія опредѣляется всегда по сему важнѣйшему изъ преступленій, долженствовавшихъ быть послѣдствіемъ его дѣянія (улож. наказ. ст. 120). Изъ всего вышеизложеннаго слѣдуетъ, что подсудимый Михайловъ оказывается виновнымъ въ злоумышленномъ распространеніи, а отчасти и въ самомъ составленіи сочиненія, направленнаго къ возбужденію бунта

противъ верховной власти, для потрясенія основныхъ учрежденій государства, но что отвѣтственность его въ этомъ злоумышленіи облегчается тѣмъ, что оно было открыто заблаговременно, при самомъ онаго началѣ, и потому не имѣло вредныхъ послѣдствій. По закону, въ подобныхъ случаяхъ виновные, вмѣсто смертной казни, опредѣленной за преступленія этого рода, сопровождавшіяся вредными послѣдствіями, приговариваются къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ ссылкѣ въ каторжную работу или въ рудникахъ на время отъ 12 до 15 лѣтъ, или въ крѣпостяхъ на время отъ 10 до 12 лѣтъ, смотря по большей или меньшей важности преступнаго ихъ умысла, большему или меньшему въономъ участію, и по другимъ увеличивающимъ или уменьшающимъ вину ихъ обстоятельствамъ (уложенія о наказ. ст. 284). Какъ по важности злоумышленія, имѣвшаго обширные размѣры, такъ и потому, что преступное воззваніе заключаетъ въ себѣ явныя оскорбленія Величества и другія самыя злостныя средства къ возбужденію бунта, подсудимому Михайлову должно быть опредѣлено строжайшее изъ вышеозначенныхъ наказаній, но во вниманіе къ добровольному сознанію Михайлова, прежде преданія его суду, наказаніе это можетъ быть назначено въ мѣрѣ, близкой къ низшей. На сихъ основаніяхъ правительствующій сенатъ полагалъ: отставнаго губернскаго секретаря, изъ дворянъ, Михаила Иларіонова Михайлова, 32 лѣтъ, за распространеніе злоумышленно сочиненія, въ составленіи коего онъ принималъ участіе, и которое имѣло цѣлію возбудить бунтъ противъ верховной власти, для потрясенія основныхъ учрежденій государства, но осталось безъ послѣдствій, не подвергая смертной казни, опредѣленной за преступленія этого рода, сопровождавшіяся вредными послѣдствіями, лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжную работу въ рудникахъ на двѣнадцать лѣтъ и шесть мѣсяцевъ, а по прекращеніи сихъ работъ, за истеченіемъ срока или по другимъ причинамъ, поселить въ Сибири навсегда, но, предварительно исполненія сего приговора,

внести оный на Высочайшее усмотрѣніе, чрезъ государственный совѣтъ, на какогой конецъ и передать подлинное опредѣленіе сената въ министерство юстиціи установленнымъ порядкомъ (зак. суд. угол. ст. 452, 457, 458 и 617); вмѣстѣ съ симъ предоставить тому же министерству передать къ производящемуся о распространеніи запрещенныхъ сочиненій слѣдствію показаніе Михайлова о бывшихъ въ рукахъ его рукописныхъ сочиненіяхъ, переданныхъ имъ отставному корнету Всеволоду Костомарову, одно лично, а другое чрезъ студента Сороко.

Между тѣмъ губернскій секретарь Михайловъ обратился къ государю императору со всеподданнѣйшею просьбою, которая, по Высочайшему повелѣнію, передана была, 25 октября, въ министерство юстиціи, съ тѣмъ, чтобы имѣть эту просьбу въ виду при окончаніи дѣла о Михайловѣ.

Означенная просьба Михайлова слѣдующаго содержанія:

«Ваше императорское величество! Въ отобранномъ отъ меня показаніи я принесъ полное и чистосердечное признаніе въ привозѣ изъ за границы и распространеніи здѣсь листа противозаконнаго содержанія, подъ заглавіемъ: «къ молодому поколѣнію.» Я объяснилъ также и побужденія, заставившія меня рѣшиться на такой поступокъ. Причины эти не могутъ служить мнѣ ни оправданіемъ, ни смягченіемъ моей вины предъ безстрастнымъ лицомъ закона, и я, глубоко чувствуя виновность свою предъ нимъ и преступность моего образа дѣйствій, дерзаю прибѣгнуть къ безпредѣльному милосердію вашего императорскаго величества. Безропотно покоряясь участи, ожидающей меня, я считаю долгомъ повторить вновь, что, при распространеніи листа «къ молодому поколѣнію», я не имѣлъ цѣли колебать общественное спокойствіе, возбуждать страсть или разжигать вражду. Такое намѣреніе противорѣчило бы всему моему характеру, въ существѣ своемъ

миролюбивому: противорѣчило бы и горячему желанію моему, чтобы все въ нашей родинѣ развивалось къ лучшему спокойно, разумно и законно. Желая распространить листъ «къ молодому поколѣнію,» я имѣлъ въ виду одно: мнѣ казалось, что явленіе его ускоритъ законныя мѣры къ расширенію въ Россіи свободы слова, которая, какъ я думалъ, могла бы лучше всего разрѣшить проявляющіяся теперь въ русскомъ обществѣ недоразумѣнія, и была бы могучимъ средствомъ для примиренія враждебныхъ партій и интересовъ, и самымъ крѣпкимъ и прочнымъ звѣномъ, соединяющимъ выгоды и нужды народа съ интересами и намѣреніями правительства. Прибѣгая къ милосердію и правосудію вашего императорскаго величества, я дерзаю умолять объ одномъ: казня мой поступокъ, не осудите въ немъ, государь, всего человѣка, и не лишите меня лучшей моей надежды посвятить современемъ мои скромныя способности посильному служенію дѣйствительной пользѣ отечества, и этимъ хотя отчасти загладить мое преступленіе.»

Затѣмъ настоящее дѣло представлено было министерствомъ юстиціи въ государственный совѣтъ, вмѣстѣ съ упомянутою всеподданнѣйшею просьбою Михайлова.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ, разсмотрѣвъ вышеозначенное опредѣленіе сената и всеподданнѣйшую просьбу Михайлова о помилованіи его, и находя во 1-хъ, что Михайлова, согласно съ заключеніемъ сената, слѣдуетъ признать виновнымъ въ злоумышленномъ распространеніи сочиненія, въ составленіи котораго онъ принималъ участіе и которое имѣло цѣлію возбудить бунтъ противъ верховной власти, для потрясенія основныхъ учрежденій государства, но осталось безъ вредныхъ послѣдствій, по причинамъ, отъ Михайлова не зависѣвшимъ, и во 2-хъ, что въ просьбѣ Михайлова о помилованіи не заключается никакихъ обстоятельствъ, которыя могли бы служить основаніемъ къ ходатайству о смягченіи слѣдующаго ему по закону наказанія, *мнѣніемъ положилъ:* утвердить по настоящему дѣлу

заключеніе правительствующаго сената и, въ слѣдствіе сего, отставнаго губернскаго секретаря Михаила Михайлова, на основаніи приведенныхъ въ томъ заключеніи законовъ, лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжную работу въ рудникахъ на двѣнадцать лѣтъ и шесть мѣсяцевъ.

На подлинномъ мнѣніи государственнаго совѣта, государь императоръ 23 ноября 1861 года въ Царскомъ селѣ изволилъ собственноручно написать «*срокъ каторжной работы ограничиваю шестью годами, а въ прочемъ быть по сему*».